

О. В. ЕГОРОВА
(Чебоксары)

ТРАДИЦИОННАЯ ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА ЧУВАШЕЙ

Аннотация. В статье ставится цель рассмотреть на основе анализа различных источников функции, семантику и символику традиционной детской одежды чувашей. Детский традиционный костюм во многом копировал одежду взрослых. До пятилетнего возраста детская одежда почти не имела отличий по полу, за исключением головных уборов. При первом надевании рубашки совершалось множество обрядов, направленных на благополучный рост ребенка.

Ключевые слова: культура, традиции, чувашки, одежда, дети, верования, обряд.

В культуре этноса традиционная одежда и народный костюм — явление комплексное, цельное и представляет собой важнейший ее компонент. Одежда и украшения, созданные в течение тысячелетий, являются памятниками культуры, в которых отражены социальная жизнь, природные условия, художественные вкусы, понятие о нравственном идеале, воззрения и миропонимание народа в различные исторические эпохи [Иванов-Орков, Матвеев, Иванов 2009, 319]. В последние десятилетия чувашские исследователи Е. А. Ягафова, Г. Н. Иванов-Орков, В. П. Иванов, Г. Б. Матвеев и др. подробно изучали чувашскую одежду, особенности костюмных комплексов этнографических и этнотерриториальных групп чувашей, однако из общего содержания выпали описание и раскрытие семантики детской одежды. И. Г. Петровым предпринята попытка описания магических и защитных функций одежды в родильных обрядах чувашей [Петров 2009, 300—304]. В данной статье мы рассматриваем на основе анализа различных источников детскую одежду чувашей.

В целях сохранения жизни больного ребенка, а также в случаях, когда опасались смерти детей, чувашки выполняли ритуал, называемый «*нёр кун кёни*» (рубашка за один день). Как

только ребенок рождался, в доме собиралось много женщин, преимущественно родных, знакомых. За одну ночь они должны были сшить ему рубашку. Одни пряли, другие мыли нитки, третьи, высушив их, начинали ткать и, выткав, шили ему рубашку — всё делалось в одну ночь. Например, в с. Альшеево Бурундуковской волости Буинского уезда, чтобы не умер один из близнецов, мать пригласила родственницу и вместе сшили платье за один день. Надевая рубашку, младенцу желали: «*Кёни сётёлтёр, хай үстёр*» (Пусть платье изнашивается, а ребенок растет) (Зап. от Инны Игнатьевны Лашковой, 1929 г. р., с. Альшеево, Буинский р-н, Республика Татарстан. Соб. О. В. Егорова. 2006 г.). Это было платье прямого покроя, либо отрезное по талии, в виде распашонки (Зап. от Елизаветы Николаевны Улаевой, 1918 г. р., д. Ерепкино, Нурлатский р-н, Республика Татарстан. Соб. О. В. Егорова. 2005 г.), либо отрезное по талии с оборочкой (Зап. от Яковлевой, 1937 г. р., с. Старые Савруши, Аксубаевский р-н, Республика Татарстан. Соб. О. В. Егорова. 2005 г.). В д. Савгачево Чистопольского уезда на ребенка надевали безобразно сшитое платье, чтобы испугать злых духов. Впоследствии его убирали в сундук (Зап. от Татьяны Гавриловны Петровой, 1920 г. р., д. Савгачево, Аксубаевский р-н, Республика Татарстан. Соб. О. В. Егорова. 2005 г.). Чувашские этнографы, изучая Максимкинский куст чувашских селений Кошкинского р-на Самарской обл., также упоминали об обряде, в котором фигурировала специально сшитая детская (младенческая) рубашка [Матвеев 2003, 136; Фокин 2003, 59—64]. «Рубашка» у чувашей имела охранительную функцию. Чувашки Татарстана и Самарской обл. помнят приготовление и надевание рубашки «одного дня». По их свидетельствам, ее шили в семьях, где часто умирали дети. Считалось, что такая ритуальная рубашка помогала ребенку выжить. В редких домах чувашей ее можно увидеть: информанты, веря в сакральность подобной рубашки, не соглашались ее показывать.

Чувавам, как и многим народам России, заранее готовить детские вещи для ребенка, в том числе колыбель, запрещалось (*Ачине тумасёр, кипкине ан хатёрле*), поскольку это, по поверьям, предвещало смерть новорожденного. Новорожденного заворачивали в основном в старую одежду, обычно отца или матери (только отца, отца или матери соответственно полу ребенка или перекрестно), мотивируя это по-разному: желанием сообщить ему достоинства и способности отца или матери, обозначить его принадлежность к отцовскому роду, вызвать к нему расположение отца, повлиять на пол следующего ребенка (соответственно заворачивали в отцовскую или материнскую одежду), обеспечить ему в будущем внимание или любовь со стороны противоположного пола и т. п. [Толстая 2004, 527]. Верили, что новорожденный проживет в крепком здравии долгую жизнь, если мальчика заворачивать в рубаху дедушки или отца, девочку — в рубаху бабушки или матери. Многие чувашки заворачивали ребенка в новую снятую с отца рубашку, чтобы ребенок был здоров, не плакал, чтоб отец жалел его. Завертывание ребенка в рубаху отца — обычай, характерный для многих народов. Основным обрядом у русских, по мнению Г. С. Масловой, было завертывание в рубаху отца, а завертывание в рубаху матери — уже некая трансформация с потерей основного значения обычая [Маслова 1984, 103]. Символика связи отца с ребенком четко выражалась в использовании нестираной одежды отца. Стирать ее не полагалось: «тогда смоемся отцовская любовь» [Байбурин 1992, 22]. Этнограф И. Г. Петров утверждает, что рубашка родителей с сохранившимся на ней потом, запахом в данном обряде имела вполне выраженную апотропеическую и продуцирующую символику и восходила к обрядам контактной магии. Одежда отца или матери в данном контексте не только защищала новорожденного от невидимых и воображаемых бед, но и наделяла его счастливой долей, возможностью дожить до зрелого возраста, старости [Петров 2009, 301].

Одежда отца или матери имела для ребенка большое значение и оказывала благотворное влияние, имея охранительную символику. Такие действия изначально преследовали две цели: «закрепить» родство между ребенком и отцом, магически воздействовать на здоровье человека уже с первых дней жизни, а в конце концов, обеспечить ему хорошее будущее. Завертывание новорожденного в отцовскую рубаху не только символизировало связь между ними, но и означало принятие ребенка отцом. Ребенок становится продолжением, «распространением» не только матери, но и отца, его частью» [Байбурин 1992, 22]. Некоторые этот обряд совершали для того, чтобы дети с детства приучались к труду и становились похожими на родителей.

Башкирские чувашки считали, что в первый раз ребенка необходимо пеленать в старую одежду, чтобы он в будущем носил одежду аккуратно. Если его пеленать в новую одежду, то он будет небрежным (Зап. от Лидии Измайловны Кирилловой, 1935 г. р., д. Кекен-Васильевка, Миякинский р-н, Республика Башкортостан. Соб. О. В. Егорова. 2006 г.). Чувашки с. Орауши Ядринского уезда новорожденного принимали на одежду отца или матери, смотря по тому, кого мать ребенка считала опрятным, умным, добрым. Если роженица считала, что муж уступал ей во всех отношениях, т. е. упомянутые достоинства признавала больше у себя, чем у мужа, то бабка, по указанию матери, брала ребенка на одежду матери [НА ЧГИГН. Т. 174. Л. 27].

Н. Я. Никифоровский писал, что не из детской одежды, а из обносок близких родных изготавливали пеленки, чтобы ребенок непременно унаследовал их положительные качества [Никифоровский 1898, 35]. Некоторые чувашки заворачивали ребенка в одежду уважаемого в деревне человека, чтобы он походил на него. А. К. Байбурин объясняет обрядовое завертывание ребенка у восточных славян так: «одежда отождествлялась с человеком, а её части могли метонимически обозначать владельца. На этом основыва-

ются многие элементы магии» [Байбурин 1992, 22]. Ученый также отмечает, что категория старого в традиционной культуре отчетливо связывалась со «своим», обжитым, освоенным. «Старые, поношенные вещи воплощали идею преемственности, передачи благ и ценностей от одного поколения к другому. Поэтому далеко не случайно детская “новизна” (пеленки, одежда) делалась из старины» [Байбурин 1992, 22].

В основном чувашки заворачивали ребенка тем, «что под рукой окажется». Нередко женщине приходилось заворачивать в подол платья. В чувашской песне пелось об отсутствии пеленок для детей:

*Анне мана суратӑй,
Чёркеме кипке пулман,
Хура сапунна чёркене...*

*(Мать меня родила,
Укутать не было пеленки,
Черным фартуком укутала...)*
[НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 675. Л. 61]

Ткань, из которой шили пеленки (*пелече*), была самой разнообразной, начиная с самодельного холста и кончая простой базарной материей, в зависимости от возможностей и состояния родителей. Ранние источники упоминают о том, что дитя заворачивали в тряпки *пелече*, т. е. пеленки, подсыпав мелко истолченной древесной гнилушки *сюрю*, и укладывали в небольшой, с верхней стороны зашнуровываемый лубочек, вроде ящичка, называемый чувашами *вастаче*, для того чтобы у младенца руки и ноги были прямые. При этом для глаз и рта оставались отверстия [Михайлов 2004, 93]. Только что родившегося ребенка заворачивали полностью, только глаза виднелись. Пояс для свивания назывался *ача пийели* [НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 675. Л. 61]. Пеленка для свивания ребенка называлась *пийелӗх*, *пийӗсӗӗ*, *пийелӗчӗ*, соответственно ребенка называли *пийевӗсӗ* [НА ЧГИГН. Отд. IV. Т. VIII. С. 199]. Цель пеленания, по народному мнению, заключа-

лась в том, чтобы сохранить правильную форму рук, ног и всего тела ребенка, чтобы ребенок спал спокойно и не царапался, укрепился пупок. Под пеленкой помещалась мягкая, сложенная в несколько слоев подстилка. Кроме того, естественно, пеленание зимой служило средством поддержания тепла в маленьком организме [Волков, 1997, 207—208].

На голову младенцам надевали чепчики. В с. Икково Чебоксарского уезда чепчик называли *пухча*, *похча* [Ашмарин 2000, т. X, 59]. Маленьким детям на шее завязывали кусок мягкой ткани (манишку) для предохранения от слюны *сӗлеке пуххи* и еды *ача саппанӗ* [Ашмарин 2000, т. XI, 56]. Повышенная «слюнявость» у детей была признаком сглаза, и чтобы дети не слюнявили, к нательному кресту привязывали раковины каури или ужовки, которые также назывались «змеиная головка» [Магницкий 1888, 11]. Когда ребенок научится ползать или сидеть, на его ноги надевали шерстяные носки, чулки или полчулки.

Мальчики и девочки до трех-пяти лет носили одинаковые штаны «*сытак*» (*сыртма йӗм*, *сиртма йӗм*, *сирма йӗм*, *тӗпсер йӗм*, *шӗтӑк йӗм*), представляющие собой две узкие штанины, соединенные пояском из холста, сзади имелось отверстие, т. е. шаговый шов не сшивался. Подобные штаны носили бесермяне, татары и другие народы Урало-Поволжья. У марийцев штаны шились из холста наподобие узкого мешка. Верхний край, подогнутый, пришивался с оставлением дырочки для продевания веревки, которая и служила гашником. Эти детские штаны состояли из двух половинок. Оба куска между собой ни с какой стороны не соединялись. Подобные штаны шились без различия пола. После трех-четырех лет мальчику шили штанишки, девочке — платье. Есть упоминание, что на двухлетнюю девочку надевали шапку, платье с ромбовидной нашивкой либо вышитыми цветочками, на ноги — суконные чулки и лапти [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 182. Л. 226]. Подросших мальчиков, которые ходили бо-

сиком и без штанов, чуваша называли «йанкӑлти» (пискунами). Более взрослому ребенку шили штаны со швом по бокам и внутри. Пояс делали отдельной вставкой холста, застегивался он на пуговицу.

В самом юном возрасте, когда малыш вырастал из пеленок, его переодевали в рубашку одинакового покроя для детей обоего пола. Причем в крестьянской семье она шилась на вырост, но так, чтобы ребенок мог в ней свободно ползать, передвигаться, играть. Подобную одежду дети носили начиная примерно с одного года и до двух-трех лет. Однако и позже, до 4—5 лет, одежда мальчиков и девочек была почти одинаковой.

Сведения о том, когда ребенку впервые надевали рубаху, довольно разноречивы. Вероятно, единого для всех чувашей обычая не было. Тем не менее часто указывалось, что рубашку надевали через шесть недель или спустя 40 дней после рождения. До этого времени чуваша повсеместно придерживались обычной пеленания детей [Петров 2009, 301]. Первое надевание рубашки на ребенка имело обрядовое значение. Как правило, первая одежда должна быть новой. Одевание сопровождалось словами: «Телейӗ пултӑр!» (Будь счастлив!). Нередко в этот день мать приглашала родителей, мотивируя это тем, что ребенок уже большой и неудобно его держать голышом. Родители давали деньги и надевали платье. Первую рубашку мать старалась сшить нарядной, с воротником из кумача. Еще одним способом магического «обновления жизни» было надевание новой одежды в определенные даты. Новое платье, как правило, надевали на Пасху. При этом говорили: «Кёни пёттёр, пуçе юлтӑр» (Пусть платье изнашивается, а голова останется). Чуваша Буинского уезда на Пасху надевали белое платье, на Троицу — пестрое, нарядное. Такие признаки новых вещей, как «чистота», непечатость, неосвоенность, определяли их сакральный статус и использование во многих ответственных ритуалах и обычаях [Виноградова, Толстая 2004, 120—121].

Когда мальчик начинал носить мужскую рубашку, его называли «арсын ача» (отрок, мальчик). Рубашка была прямого покроя с длинными узкими рукавами, круглым, стоячим воротом, застегивавшимся на пуговицу. С 10 лет начинали надевать кафтаны. В весенне-осенний период дети носили летний кафтанчик. Кафтан девочки, как правило, изготавливался из белого холста, он имел вшитые длинные, узкие рукава, круглый ворот и небольшую сборку на плечах. Юбка на спине и с боков собиралась в частую, мелкую сборку. На спинную и грудную части кафтана пришивался подклад из белой мешковины. Кроме кафтанов девочкам шили еще *шунӑр* (*шубыр*), а зимой — полшубок. На голову в холодную погоду мальчики надевали шапки, а девочки повязывали платок. Девочки начиная примерно с пяти лет носили платки, завязанные, как у женщин: узлом под подбородком или на шее сзади. Мальчики носили валяные шапочки. Практически все дети, вне зависимости от пола, возраста и времени года, носили головные уборы. Хождение без головного убора считалось неприличным. У обычая была рациональная подоплека — исключалось попадание волос в пищу и уменьшалась вероятность распространения вшей среди детей.

Современники упоминали острую нехватку одежды у детей: почитали за радость «накинуть на себя хоть какие-либо лохмотья, найдет отцовские старые, пять раз уже подшитые валенки» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 508]; «у меня не было одежды, без которой мне часто приходилось простужаться и подолгу хворать» [НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 167. Л. 396]. Зимой за неимением теплой одежды многие дети больше времени проводили в избе: «Тогда (летом) я был волен: я не нуждался в теплой одежде и обуви, недостаток в них задерживал меня всю зиму в избе» [НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 167. Л. 421]. В воспоминаниях подчеркивалось, что отсутствие хорошей одежды вызывало насмешки со стороны сверстников и вынуждало сидеть дома [НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 173. Л. 453]. Некоторые ин-

форманты напоминали, что в старину один комплект теплой одежды был на несколько детей. Более хитрые, спорившие успевали одеться первыми и на весь день уходили играть или кататься на санках со склона горы [НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 285. Инв. № 6055. Л. 148]. Вернувшись, часто получали шлепок по затылку или слышали упреки со стороны остальных членов семьи. Да и одежду эту уже нельзя было надеть, так как она была сырой [НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 167. Инв. № 4925. С. 425].

Социальные различия, разный материальный достаток накладывали свой отпечаток и на одежду маленьких детей. В состоятельных семьях или при выездах в гости старались надеть на ребенка нарядную одежду, украшенную вышивкой, завернуть в парадную пеленку — *ача зитти*. В бедных семьях дети ходили в одной рубашке от бани до бани. В деревнях не хватало моющих средств. Рубашки детям после купанья каждый раз не меняли, а ограничивались тем, что меняли только через два-три дня. Один из информантов Н. В. Никольского вспоминает о стирке детских вещей: мать *«наливает кипяток в глиняную посуду, насыпает туда золу фунта два, три; сверху кладет старое белье взрослых, потом снимает с ребенка рубашку, оставляя его нагишом зябнуть, затем сует помятую ризу малюсенького в тот же хаотический резервуар, далее прибавляет кипятку»* и всё оставляет на ночь. Утром она идет к колодцу. Грязное белье кладет в колодку, поливает холодной ключевой, иногда и стоячей гнилой водой и *«давай толочь обеими дубинками в каждой руке по одной, а каждая колотушка — длиной в два с половиною аршина. Поколотив штук 12 белья в четверть часа, выполоскав окончательно уже чистой водой, белье вешается на заборах или где попало около своих построек, оставляя на ночь сохнуть. На другой день белье снимается, выкатывается и входит в употребление по усмотрению хозяйки»* [НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 308. Л. 451]. Чуваши не оставляли детскую одежду на улице после захода солнца, иначе ее могли подменить.

Детская обувь, как и одежда, копировала взрослую: как только ребенок начинал передвигаться, ему надевали традиционные лапти. Более обеспеченные в позднее время носили туфли из мешковины на плотной кожаной подметке и низком каблуке. Носок был круглым и тупым, задник высокий. Подметка прикреплялась деревянными гвоздями.

Таким образом, детский традиционный костюм во многом копировал одежду взрослых. Использование нательного белья для пеленания детей имело, видимо, практическую основу. Это было дешевле, чем изготовить новое, и, кроме того, стираная одежда была более мягкой и удобной для детей. Но вместе с тем обычай этот имел и определенную символику. Нередко детям перешивали платья, ранее носившиеся взрослыми членами семьи. Детская одежда отличалась от взрослой только своими размерами, а не конструкцией или упрощенной вышивкой. До пятилетнего возраста детская одежда почти не дифференцировалась по полу, за исключением головных уборов. Шапочки девочек выделялись яркостью, наличием дополнительных нашивок. Новая одежда и лапти надевались в основном на Пасху. Верхняя одежда чаще всего носилась не по размеру: ее не хватало на всех детей. Традиционная детская одежда вышла из употребления в 1950-е гг. Сегодняшние информанты с улыбкой вспоминают штаны «без зада», помнят пошив традиционной чувашской одежды, чувство радости, возникавшее во время одевания нового платья на Пасху.

Литература

- Ашмарин 2000 — Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 2000. Т. 9—10. Т. 11—12.
- Байбурин 1992 — Байбурин А. К. Ритуал: между биологическим и социальным // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992. С. 18—28.
- Виноградова, Толстая 2004 — Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Новый—старый // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 120—121.

Волков 1997 — Волков Г. Н. Этнопедагогика чувашей. М., 1997.

Иванов-Орков, Матвеев, Иванов 2009 — Иванов-Орков Г. Н., Матвеев Г. Б., Иванов В. П. Традиционная одежда и народный костюм (истоки, структура и эволюция) // Чуваша: история и культура. Чебоксары, 2009. Т. 1. С. 319—338.

Магницкий 1888 — Магницкий В. К. Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде: этнографический сборник. Казань, 1888.

Маслова 1984 — Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начале XX в. М., 1984.

Матвеев 2003 — Матвеев Г. Б. Экспедиция на Черемшан (праздники и обряды чувашей) // Этнология религии чувашей / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. Вып. 1. С. 113—139.

Михайлов 2004 — Автобиография // Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 24—34.

Никифоровский 1897 — Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897.

Петров 2009 — Петров И. Г. Магические и защитные функции одежды в чувашских родильных обрядах // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 6. С. 300—304.

Руденко 2006 — Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006.

Толстая 2004 — Толстая С. М. Одежда // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 523—533.

Фокин 2003 — Фокин П. П. Рубашка-оберег младенца // Этнология религии чувашей. Чебоксары, 2003. Вып. 1. С. 59—64.

Сокращения

НА ЧГИГН — Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Summary. The purpose of the article is to analyse the functions, semantics and the symbolism of Chuvashes children's clothes on the basis of different sources analysis. Children's traditional costume copied many elements of the adults' clothes. Until the five-year age children's clothes had almost no differences by sex, except for headgear. There were many ceremonies dedicated to the first use of the shirt, aimed at successful growth of the child.

Key words: culture, tradition, Chuvashes, children, clothes, beliefs, ceremony.

А. Б. МУЛЫЗЕВА
(Самара)

РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ НАРОДНОЙ ГЛИНЯНОЙ ИГРУШКИ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ САМАРСКИХ МАСТЕРОВ

Аннотация. В статье выявляются основные тенденции и перспективы развития современной самарской авторской глиняной игрушки. Анализируется творчество самарских мастеров-игрушечников, его связь с традиционным промыслом. Самарская глиняная игрушка рассматривается в контексте народной культуры, определяется ее роль как хранителя традиций художественного творчества, а также самобытность, сложная художественная природа явления, сочетающего пластическое, живописное и орнаментально-декоративное начала.

Ключевые слова: народное художественное творчество, традиция, культура, преемственность, современная авторская глиняная игрушка, самобытность.

Традиции и инновации — две взаимосвязанные стороны исторического развития искусства вообще и народного искусства в частности. «<...> Традиция — это сеть (система) связей настоящего с прошлым, причем при помощи этой сети совершаются определенный отбор, стереотипизация опыта и канонов» [Чистов 1981, 106]. Также под традицией понимается социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводимое в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени. Традиция включает в себя объекты социокультурного наследия (материальные и духовные ценности), процессы социокультурного наследования и способы этого наследования. В качестве традиции выступают определенные культурные образцы, институты, нормы, ценности, идеи, обычаи, обряды, стили и т. д. Традиции присутствуют во всех социальных и культурных системах и в известной мере являются необходимым условием их существования.